

УДК 94(476)"192/193":27-587-47(075.8)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-31-35

**ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КАК ИСТОЧНИК СПРАВОЧНО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ИСТОРИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1920 – 1930-е гг.***канд. ист. наук, доц. В.В. БАРАНЕНКО**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1844-1819>

Статья посвящена источниковедческому анализу документов советских государственных исполнительных органов власти как источника справочно-статистической информации по истории Русской православной церкви (РПЦ) на территории Беларуси в 1920 – 1930-е гг. Автор выявил и классифицировал основные виды документов исполнительных органов советской власти, содержащих справочно-статистическую информацию по истории РПЦ. Для каждого вида документа дано описание структуры, содержания и информационного потенциала. Проведенное исследование восполняет пробел, связанный с систематизацией справочно-статистических материалов советских исполнительных органов, и способствует формированию репрезентативной картины положения православной церкви в указанный период.

Ключевые слова: *справочно-статистическая информация, БССР, Русская православная церковь (РПЦ), исторические источники, исполнительные комитеты, Постоянная центральная комиссия по вопросам култов.*

Введение. Несмотря на значительный рост исследований по истории Русской православной церкви (РПЦ) в 1920 – 1930-х гг., начавшийся в 1990-е гг., большинство из них продолжает основываться на фактологическом подходе без должного статистического анализа. Несмотря на то, что авторы нередко приводят количественные данные из архивных документов, эти сведения, как правило, используются фрагментарно – главным образом, в качестве иллюстраций к тексту, без должной обработки и критического осмысления. В результате такие аспекты истории РПЦ 1920 – 1930-х гг., как механизмы взаимодействия с советским государством, региональные различия и долгосрочные последствия антирелигиозной политики, остаются недостаточно изученными. Преодоление этой ограниченности требует не только междисциплинарных подходов, но и масштабной архивной работы, направленной на изучение и введение в научный оборот сохранившихся статистических данных. Только на этой основе возможно создание более точной и репрезентативной картины положения церкви в рассматриваемый период. Одним из таких комплексов материалов, содержащих справочно-статистическую информацию по истории РПЦ в первые десятилетия советской власти, являются документы советских государственных органов власти.

Источники по истории Русской православной церкви на территории Беларуси 1920 – 1930-х гг. выступали предметом научного интереса, однако их анализ носил фрагментарный характер и ограничивался, как правило, документами отдельных архивных фондов или конкретных видов делопроизводства [1–3]. Документы советских государственных исполнительных органов, содержащие справочно-статистическую информацию о состоянии Церкви, упоминались в ряде обобщающих работ и сборниках документов¹, однако их целенаправленный анализ как специального источникового комплекса предпринят не был.

Основу настоящего исследования составляют документы пяти государственных архивов Республики Беларусь и Российской Федерации: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Витебской области (ГАВт), Государственного архива Минской области (ГАМн), Зонального государственного архива в г. Полоцке (ЗГАПол). Изучение фондов, указанных центральных и региональных архивных хранилищ дало возможность идентифицировать и упорядочить

¹ Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / Отд-е по арх. и делопроизв. Витеб. облисполкома, Гос. архив Витеб. обл., Витеб. отд-е археогр. комис., Ком. по архивам и делопроизводству при Сов. Министров Респ. Беларусь / сост. В.П. Коханко (отв. сост.); редкол.: М.В. Пищуленок (гл.ред.). – Минск: НАРБ, 2006. – 364 с.; Конфессии на Гомельщине (20 – 30-е годы XX в.): док. и материалы / Деп-т по арх. и делопроизв. М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Гос. арх. Гомел. обл., Гомел. гос. ун-т / сост. М.А. Алейникова [и др.]; под. ред. В.П. Пичукова. – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.; Религиозная жизнь на Минщине: документы и материалы / Гл. упр-е юстиции Минск. обл. испол. ком-та, Гос. архив Минск. обл. / сост. И.Н. Лукашевич [и др.]; редкол.: Ю.С. Ромашко [и др.]. – Минск: А.Н. Вараксин, 2022. – 206 с.; Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост. О.Ю. Васильева. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 326 с.; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991: документы и материалы: в шести томах / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]; редкол.: А.К. Сорокин (пред.). 1917–1924. В четырех томах. Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / сост. М.И. Одинцов (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2017. – 670 с.; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991: док. и материалы: в 6 т. / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]; редкол.: А.К. Сорокин (пред.). 1917–1924. В 4 т. Кн. 3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / сост. М.И. Одинцов (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2017. – 892 с.

ключевые группы документов, содержащих справочно-статистическую информацию по истории Русской православной церкви в ранний советский период.

Основная часть. Обработка материалов исполнительных органов государственной власти, содержащих справочно-статистическую информацию по церковной истории, позволила выделить следующие их разновидности: регистрационные карточки; анкеты служителей религиозного культа; ведомости о числе храмов и культов; сведения о количестве церквей и служителей религиозных культов; списки приходов, предоставившие метрические книги; списки членов приходов; списки церковно- и священнослужителей; списки членов приходского совета; списки членов прихода; сведения о числе зарегистрированных групп верующих; сведения о числе разрешенных и отклоненных съездов; списки лиц, лишенных избирательных прав; выписки из протоколов и постановлений президиумов районных исполнительных комитетов; заявления верующих об открытии молитвенных домов; жалобы верующих. Возникновение указанного документального массива было обусловлено проведением политики государственного регулирования религиозной жизни, где первоначальная регистрация была первым и обязательным шагом для легального существования группы верующих.

Регистрация общины требовала заполнения *регистрационной карточки*², структура которой состояла из четырех форм в виде таблиц. В первой форме приводилась информация о половозрастном и профессиональном составе членов приходской общины. Во-второй указывались храмы, которые находились в собственности группы верующих, с указанием местоположения, вида (соборная, приписная, часовня и т.д.), а также время заключения договора с группой верующих. В третьей таблице содержалась информация о денежных суммах, которыми располагала община до момента их сдачи Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Четвертая таблица включала информацию о наличии в ведении группы верующих дополнительной недвижимости, такой как жилые дома, свечные и книжные лавки, богадельни и прочее.

*Анкеты служителей религиозного культа*³ представляют собой важный документальный источник советского периода, введенный в практику учёта духовенства с начала 1920-х гг. Их появление было обусловлено необходимостью замены дореволюционных клировых ведомостей, ведение которых прекратилось после 1917 г. Первые анкеты были разработаны по инициативе ВЧК в 1919 г. с целью учёта духовенства всех конфессий и содержали, наряду с биографическими вопросами, пункты о политической лояльности служителей культа к советской власти [2, с. 13–19]. Эволюция формы и содержания анкет отражает изменения в государственно-конфессиональной политике. Так, в 1923 г. в рамках перерегистрации религиозных обществ были введены «*анкетные списки*»⁴, которые предусматривали предоставление общиной развёрнутых данных о своих служителях. Формуляр анкеты включал в себя, кроме биографических данных, информацию о социально-политических и идеологических взглядах (участие в различных организациях, отношение к советской власти и внутрицерковным расколам), а также сведения экономического характера (изменение имущественного положения после Октябрьской революции, размер и источник дохода каждого члена семьи, размер платы за требы). В 1929 г. была утверждена упрощённая форма анкеты, содержащая уже 8 пунктов [4, с. 41].

Информационный потенциал анкет и анкетных списков чрезвычайно высок. Они содержат детальные биографические сведения о священнослужителях (сословное происхождение, образование, места службы, семейное и имущественное положение, судимости).

*Ведомости о числе храмов и культов*⁵, составлявшиеся, как правило, на уровне уездов, представляют собой комплексный источник для статистического анализа религиозных учреждений в ранний советский период. Помимо сугубо количественных данных, эти документы фиксируют хронологию процесса передачи культовых объектов религиозным общинам, а именно даты заключения договоров на пользование храмами. Указанная информация является ключевой для реконструкции темпов и географической динамики реализации декрета об отделении церкви от государства на местах. Анализ датировок позволяет выявить периоды активизации или, напротив, спада кампании по отделению церкви от государства, установить корреляцию между действиями центральных властей и реакцией на местах, а также проследить региональные особенности в применении общегосударственной политики.

Более детализированную информацию содержат *сведения о количестве церквей и служителей религиозных культов*⁶, составлявшиеся на волостном и районном уровнях. В них, как правило, приводится перечень культовых объектов с указанием их местоположения, наличия религиозной общины, сведений о заключении договора (включая точную дату), а также персональные данные служителей культа. Таким образом, уездные ведомости и волостные списки, будучи едиными по своему генезису и функциональному назначению, типологически формируют взаимодополняющую иерархическую систему учёта, где первые предоставляют обобщённую картину, а вторые содержат более подробные сведения.

После отделения церкви от государства в 1918 г. большевики инициировали создание органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС), которые взяли на себя функции регистрации рождений, браков и смертей, ранее

² Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 26.

³ Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 26; Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. – Л. 13–13об.; Д. 54. – Л. 9; Д. 56. Л. 3.

⁴ ГАВт. – Ф. 118. Оп. 1. Д. 693а. – Л. 4, 27, 85, 140–142, 146–146об., 151, 156–160, 172–173, 174–176.

⁵ Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАПол). – Ф. 51. Оп. 1. Д. 116. – Л. 129.

⁶ ЗГАПол. – Ф. 83. Оп. 1. Д. 30. – Л. 13, 11, 14, 21.

осуществлявшиеся церковью. В связи с этим, метрические книги, содержащие записи о таких событиях, было предписано передать из церквей в ЗАГСы [5, с. 71–87]. Указанный процесс сопровождался активной служебной перепиской между церковными и государственными органами, в ходе которой фиксировались *списки приходов, представившие метрические книги*⁷. Эти списки представляют собой ценный справочно-статистический источник, поскольку содержат информацию о действующих церквях в первые годы советской власти, когда систематический учет церковных учреждений практически не велся. Указанные списки позволяют исследователям уточнить количество и географию функционировавших религиозных общин в условиях начавшихся гонений на церковь.

В 1920-е гг. проведение учёта религиозных объединений было одной из функций местных исполнительных комитетов. Результаты данной деятельности нашли комплексное отражение в сохранившихся учредительных документах и делопроизводственных материалах, сопровождавших процесс регистрации церковных общин. Указанные документы включают в себя списки церковно- и священнослужителей, списки членов приходского совета (религиозного общества), анкеты служителей религиозного культа, списки членов прихода.

*Списки церковно- и священнослужителей*⁸ включают в себе перечень духовных лиц по отдельному приходу с указанием возраста, адреса местожительства, социального положения, общественного и служебного положения с 1914 г., принадлежности к сословию до Октябрьской революции, имущественного положение, а также время присоединения к религиозному культу. Аналогичная информация по лицам, входящим в состав исполнительного органа прихода, содержится в *списках членов приходского совета*⁹.

*Списки членов прихода*¹⁰ помогают реконструировать процессы формирования и функционирования религиозных объединений в условиях антирелигиозной политики советского государства, а также выявить динамику численности и состава верующих.

Статистические отчёты о регистрации религиозных общин, обобщающие сведения на уровне уездов и волостей, формировали массив данных, на основе которого составлялись сводные документы. Одними из таких документов являются *«Сведения о числе зарегистрированных групп верующих»*¹¹ и *«Сведения о числе разрешенных и отклоненных съездов»*¹², которые составлялись ежемесячно. Указанные документы содержат структурированную информацию: численность общин, социально-биографические сведения о священнослужителях (возраст, занятие до 1914 г., имущественное положение), а также информацию о разрешенных и запрещенных церковных съездах.

Важной источниковедческой особенностью справочно-статистических материалов середины 1920-х гг. является отражение в них церковного раскола. В документах часто содержится информация о принадлежности священнослужителей к той или иной церковной ориентации («обновленческой», «тихоновской» или «автокефальной»), либо делается акцент на их лояльности к одной из противоборствующих групп¹³.

*Списки лиц, лишённых избирательных прав*¹⁴ представляют собой значимый исторический источник для исследования механизмов социальной сегрегации и формирования репрессивной политики раннесоветского государства. В списки включались так называемые «лишенцы» – категории населения, которые, согласно советскому законодательству, лишались избирательных прав как «социально чуждые элементы» [6, с. 39–47]. Среди них встречаются священнослужители, члены их семей, а также активные участники церковной жизни, такие как члены приходских собраний. В списках указывалась фамилия, имя, отчество, социальное положение, род занятий и адрес проживания. Эти данные позволяют не только дополнить биографии отдельных членов религиозных общин и их семей, но и проанализировать масштабы и характер репрессий против религиозных деятелей. Кроме того, списки лиц, лишённых избирательных прав, содержат информацию о составе приходских общин, что делает их ценным источником для изучения истории церкви в условиях антирелигиозной политики советского государства.

Реализация задач ускоренной индустриализации промышленного сектора и проведение коллективизации отразились на характере взаимодействия между государством и церковью, что иллюстрирует, в свою очередь, предоставление справочно-статистической информации исполнительными органами власти.

Согласно инструкции НКВД и НКЮ БССР от 5 мая 1928 г., регламентировавшей порядок исполнения декрета об отделении церкви от государства на территории Белорусской ССР, на все религиозные объединения, организации и группы возлагалась обязанность по предоставлению в райисполкомы именных списков служителей культа, а также членов руководящих органов – советов и «пятерок». Помимо этого, устанавливалось требование о ежегодном, 15 мая и 15 ноября, предоставлении дополнительных списков, в которые включались сведения о вновь вступивших, а также о всех выбывших за истекшее полугодие служителях культа и верующих¹⁵.

В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях» [4, с. 8–25], которое стало ключевым нормативным актом, регламентирующим деятельность религиозных организаций в

⁷ ЗГАПол. – Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. – Л. 2; Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. – Л. 343.

⁸ ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 12, 27; ЗГАПол. – Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. – Л. 44, 35, 48об., 52об., 55об.

⁹ ЗГАПол. – Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. – Л. 40, 72, 147об., 163–163об., 182, 188, 230об.; ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 15–16.

¹⁰ ГАМн. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. – Л. 188, 216, 216об.–228об.; Ф. 48. Оп. 1. Д. 66–67.

¹¹ ГАВт. – Ф. 2356. Оп. 1. Д. 684. – Л. 400, 742, 753, 775, 947, 959.

¹² Там же. – Л. 405, 417, 549, 550, 622.

¹³ Там же. – Л. 67–78.

¹⁴ ГАВт. – Ф. 82. Оп. 1. Д. 12а. – Л. 109, 111, 112.

¹⁵ Инструкция Народных Камисарыятаў Ўнутраных спраў і Юстыцыі БССР па пытаньнях, зьвязаных з ажыццяўленьнем Дэкрэту аб адлучэньні царквы ад дзяржавы ў БССР // Бюлетень СНК БССР. – 1928. – № 6. – С. 35–38.

советском государстве, и заложило основу советского законодательства в конфессиональной сфере. С целью обеспечения единообразного применения нового антирелигиозного законодательства на всей территории страны при Президиуме ВЦИК (с 1934 г. – при ЦИК СССР) создавалась Постоянная центральная комиссия по вопросам культов. Помимо общего наблюдения за деятельностью религиозных культов и проведением в жизнь законодательных актов в области религии, на Комиссию возлагались функции по сбору информационно-статистических сведений и предоставлению отчетов о деятельности Комиссии и проведению в жизнь основных положений советского правительства в области религиозных отношений [7, с. 42].

В сохранившемся архивном комплексе Центральной комиссии по делам культов при ЦИК БССР специализированные справочно-статистические материалы отсутствуют, что, вероятно, обусловлено их плохой сохранностью. Указанный фонд, представленный лишь шестью единицами хранения за 1933 г. общим объемом в 1693 листа, состоит преимущественно из протоколов заседаний Комиссии и сопутствующих материалов. К последним относятся *выписки из протоколов и постановлений президиумов районных исполнительных комитетов*¹⁶, а также *заявления верующих об открытии молитвенных домов*¹⁷. Статистические данные носят здесь фрагментарный характер и подлежат реконструкции лишь опосредованно: например, через обобщение информации из решений о закрытии конкретных храмов, регулярно фиксировавшихся в протоколах. Частично материалы Центральной комиссии по отделению церкви от государства при ЦИК БССР отложились в фондах других организаций. Так в фонде 261 «Центральный совет Союза воинствующих безбожников БССР» НАРБ содержатся сведения о закрытых молитвенных зданиях за 1928–1930 гг. и функционирующих религиозных объединений за 1930 г.¹⁸

Косвенным источником для установления численности культовых сооружений православной церкви выступают *жалобы*¹⁹, поступающие от верующих в государственные органы управления религиозными культурами. Данное обстоятельство свидетельствует о высокой степени фрагментарности официального учета и подчеркивает значимость обратной связи от религиозных сообществ как уникального источника для анализа состояния религиозной инфраструктуры в условиях жесткого административного контроля.

Существенное влияние на сохранность справочно-статистической информации по истории православной церкви на белорусских землях в первые десятилетия советской власти оказала потеря архивных фондов в период Великой Отечественной войны, что в наибольшей степени затронуло документы 1930-х гг. [8–9] и привело к фрагментарности сохранности материалов, в особенности исполнительных органов власти республиканского и регионального уровней. Источником для восполнения пробелов в информации могут служить документы Комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК СССР. В этом документальном массиве можно выделить отчеты Комиссии за 1935 г.²⁰ и 1936 г.²¹ Они содержат справочно-статистический материал о состоянии религиозной жизни. В указанных отчетах содержатся сводные количественные сведения функционирующих и закрытых молитвенных зданий в разрезе союзных республик, включая БССР. Аналогичным образом унифицированы сведения о численности служителей культа по БССР. Важный информационный блок документа составляет статистика распределения жалоб, поданных религиозными объединениями и верующими, по союзным республикам, краям и областям РСФСР. Указанный массив информации может служить индикатором интенсивности антирелигиозной кампании и давления на религиозные организации. При этом, однако, следует отметить, что статистические сведения в представленном документе приводятся в виде сводных цифр без дифференциации по конфессиям или внутриконфессиональным группам, что ограничивает возможности их анализа.

Помимо перечисленных документов, в фонде Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР сохранились отчетные материалы, подготовленные по запросам членов комиссии, которые содержат сводные количественные данные о молитвенных зданиях по Белорусской ССР за 1936–1937 гг. Представленная информация включает как общие данные по республике, так и детализированные показатели по отдельным городам, таким как Гомель²², Слуцк²³, Минск²⁴ и Полоцк²⁵.

Основное внимание государственных исполнительных органов власти в 1930-е гг. при сборе справочно-статистических данных о положении православной церкви уделялось учёту церковных зданий. В отличие от учёта материальных объектов, сбор персональных и количественных данных о служителях культа не входил в число приоритетных задач как для центральных, так и для местных органов исполнительной власти. Возникновение данной диспропорции в системе сбора информации является прямым следствием ведомственного разделения полномочий. Функция тотального учёта и контроля над духовенством была закреплена за органами государственной безопасности (ОГПУ–НКВД) [10, с. 370].

¹⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1527. – Л. 75.

¹⁷ НАРБ. – Л. 79–79об., 82–83, 155–156; Д. 465. Л. 41–41об., 46–46об.

¹⁸ НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 13. – Л. 4, 5.

¹⁹ НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1527. – Л. 17–18, 54–55, 57–58об.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 21. Л. 71–75.

²¹ ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 10. – Л. 39–65.

²² Там же. – Л. 6.

²³ ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 14. – Л. 7.

²⁴ Там же. – Л. 9–9об.

²⁵ Там же. – Л. 8.

Заключение. Среди разнородного комплекса рассматриваемой документации исполнительных органов государственной власти можно выделить как наиболее информативные такие группы, как регистрационные карточки общин, анкеты служителей культа и списки лиц, лишённых избирательных прав. Каждая из этих групп обладает как определенным информационным преимуществом, так и недостатками, что требует их комплексного использования. Анализ справочно-статистических документов государственных исполнительных органов власти выявил их определенную ограниченность для последующего использования: фрагментарность сбора информации на местах, её неполнота даже в центральных органах, а также массовая утрата материалов в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на это, указанные документы остаются незаменимым источником для изучения государственно-церковных отношений, динамики религиозной жизни и региональных особенностей антирелигиозной политики. Их эффективное использование требует междисциплинарных методов и критической оценки информационного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневикий І.А. Отчеты епархиальных управлений Белорусской обновленческой церкви (1924–1934 годы) как источник по истории Православной церкви // Архівы і справаводства. – 2018. – № 3. – С. 144–148.
2. Денисов М.Е. «Анкетные списки для служителей религиозного культа» и «анкеты для служителей религиозного культа» как исторические источники // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – №. 11-8. – С. 13–19.
3. Кулажанка У.Г. Дакументальныя крыніцы па гісторыі беларускай праваслаўнай царквы XX ст. у архівах Беларусі: праблемы іх публікацыі і навуковага выкарыстання // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. арт., прысв. 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.). – Мінск: БДУ, 2008. – С. 217–221.
4. Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Центр. совет Союза воинствующих безбожников СССР. – М.: Безбожник, 1930. – 223 с.
5. Зіберт Д. Установа аддзелаў ЗАГС у ССРБ: грамадзянізацыя і індывідуалізацыя праз устанавленне парадку // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2017. – Т. 24. № 1(46)–2(47). – С. 71–87.
6. Елізараў С.А. Пад сцягам «абвастрэння класавай барацьбы»: выбарчыя кампаніі ў мясцовыя Саветы БССР у 1920-я гады // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 11. – С. 39–47.
7. Приказчикова О.Б. Деятельность постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – № 31. – С. 41–76.
8. Жумарь С.В. Уничтожение районных архивов Беларуси в 1941–1944 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2008. – Вып. 9. – С. 108–117.
9. Жумарь С.В. Утраты документов Центрального исторического архива БССР (г. Могилев) в годы Великой Отечественной войны // Архіварыус. – 2008. – Вып. 6. – С. 10–23.
10. Хаустов В.Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe. – 2001. – С. 357–373.

Поступила 24.11.2025

DOCUMENTS FROM SOVIET STATE EXECUTIVE BODIES AS A SOURCE OF REFERENCE AND STATISTICAL INFORMATION ON THE HISTORY OF THE ORTHODOX CHURCH IN BELARUS IN THE 1920S AND 1930S

V. BARANENKA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article is dedicated to the source-critical analysis of documents from Soviet state executive bodies as a source of reference and statistical information on the history of the Russian Orthodox Church (ROC) in Belarus in the 1920s and 1930s. The author identified and classified the main types of documents from the executive bodies of Soviet power that contain reference and statistical information on the history of the Russian Orthodox Church. A description of the structure, content and informational potential of each document type is provided. The study fills a gap in the systematic organisation of statistical materials from Soviet executive bodies and contributes to the formation of a representative picture of the position of the Orthodox Church during this period.

Keywords: *reference-statistical information, BSSR, Russian Orthodox Church (ROC), historical sources, executive committees, the Standing Central Committee on religious cults.*